

На правах рукописи

003472295

МУЧАЕВА Ирина Ивановна

**РАЗВИТИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА
В КОНЦЕ XVIII – XIX ВВ.**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры
(исторические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

03 ИЮН 2009

Астрахань – 2009

Работа выполнена на кафедре истории России
Калмыцкого государственного университета

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РК и РФ
Убушаев Владимир Бадахевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Ющенко Юрий Александрович

кандидат исторических наук
Стоянов Вячеслав Александрович

Ведущая организация: Ставропольский государственный
университет

Защита состоится « » _____ 2009 г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета при Астраханском государственном университете
(414056, г.Астахань, ул. Татищева, 20а)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Астраханского
государственного университета.

Автореферат разослан « » _____ 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

Е.В. Савельева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Духовная культура, отражая определенный уровень развития общества, охватывает сферу сознания, духовное производство, включая в себя философию, право, этику, эстетику, науку, литературу, искусство и является ярким проявлением действительности. Известно, что основные принципы культурного процесса основаны на принципиальных положениях развития общественно-экономических формаций как последовательных этапов истории человеческого общества.

Одним из наиболее важных периодов мировой истории стал период XVIII-XIX веков. Этот этап многое унаследовал от прошлого и немало завещал будущему, был совершенно самостоятельной фазой в развитии духовного творчества народов мира. Россия в этом отношении не была исключением. Период XVII-XIX. вв. выявил самые напряженные поиски мыслей, породил светлые надежды и дерзновенные мечты.

В процесс развития российского общества была втянута и Калмыкия. В начале XVII века калмыки вошли в состав Русского государства. Это было добровольное вхождение, явившееся прогрессивным шагом. Связав свою судьбу с Россией, калмыки испытали благотворное влияние русской материальной и духовной культуры.

Исторические факты свидетельствуют о том, что калмыцкий народ принес с собой в Россию вполне сложившуюся развитую духовную и материальную культуру.

Калмыкам, по свидетельству известного советского востоковеда Б.Я. Владимирцова, пришлось в своих обширных перекочевках видеть много земель, сталкиваться с разными народами: китайцами, казаками, татарами, башкирами и кавказскими горцами. Калмыки также, как и другие монголы, в свое время, подверглись влиянию буддийской, тибетско-индийской культуры, они сумели вместе с кочевым бытом соединить известные культурные приобретения. Ещё задолго до вхождения в состав России имели свой героический эпос «Джангар», сказки, легенды, сложившиеся традиции народного, декоративного искусства¹.

Без изучения духовного творчества калмыков, уходящего своими корнями вглубь истории, невозможно понять настоящее и перспективы развития культуры калмыцкого народа.

Именно поэтому её изучение выдвигает много сложных, интересных проблем. Поскольку духовная культура калмыков представляет большой исторический интерес, её исследование под историко-этнографическим углом зрения позволяет показать исторические и культурные связи калмыков с другими народами, раскрыть его историю, проследить различные этапы политической, социально-экономической и культурной жизни калмыцкого народа.

Такое исследование представляет известный познавательный и практический интерес, так как оно знакомит с высокой художественной ценностью духовной культуры калмыцкого народа, поныне питающей творчество широкого кру-

¹ Очерки истории Калмыцкой АССР (дооктябрьский период). М., 1967. С 53

га мастеров Республики Калмыкия. В связи с таким подходом важно глубоко изучить духовную культуру калмыцкого народа, отразившую значительные изменения в социальной, хозяйственной и культурной жизни калмыков. При этом следует иметь ввиду, что в рамках данной работы невозможно в полной мере осветить все стороны духовной культуры калмыцкого народа.

Степень изученности темы. Вопросы развития духовной культуры калмыцкого народа в рассматриваемый период в целостном виде как комплексная проблема не рассматривались. Проблемный характер историографии и хронологический принцип исследования данной проблемы обуславливает выделение трех основных этапов в её изучении.

Первый этап охватывает период второй половины XVIII – начала XX вв. и многие работы были написаны по свежим следам событий. Их авторы являлись крупными исследователями-калмыковедами.

Второй этап функционирует во временном промежутке 1920-1991 гг. и основная масса работ базируется на существующий в тот период методологии, что не нередко приводило к одностороннему взгляду на эту тему.

Третий этап, начавшийся с 1991 года, связан с отказом от прежней идеологии. Снятие идеологических и политических запретов привело к созданию определенных условий для постепенного преодоления прежних исторических концепций, расширения источниковой базы исследований.

Историография по вопросам духовной культуры калмыцкого народа первого этапа представляет собой довольно обширную литературу. Характерно, что почти каждое исследование представляло собой обобщенную сводку различных сведений о калмыках с акцентом на те моменты, которые были ближе научным интересам авторов.

В 1852 году была опубликована работа П. Небольсина², которую автор полностью посвятил духовной культуре калмыков: музыке, пению, танцам, сказкам. В работе также содержатся сведения о состоянии народного образования в Калмыцкой степи, религиозных верованиях калмыков.

Находившийся в 80-е годы в Астраханской губернии И. Житецкий, написал две работы о жизни калмыков, не потерявших своего значения для изучения духовной истории калмыцкого народа и в наши дни.³

Автор рассматривает музыкально-танцевальное искусство калмыков, а также развитие архитектуры, медицинские навыки и особенности народного календаря калмыков. Первым из дореволюционных исследователей И. Житецкий подробно охарактеризовал цветовую композицию калмыцких вышивок, зафиксировал наиболее распространенные художественно-технические приемы и их названия, описал технику металлообработки, резьбы по дереву, тиснения по коже, аппликации на ткани.

В конце XIX века вышла в свет этнографическая работа Я.П. Дуброва⁴. В ней

² Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб, 1852.

³ Житецкий И.А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения). М., 1893 г.

⁴ Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892г..Казань, 1892.

автор рассмотрел состояние улусных школ у калмыков Ставропольской губернии, песни и танца народа, его юридическое право. В работе Я.П. Дубровы много неточностей и ошибок, которые можно считать и результатом небрежности некоторых искажений.

Религиозным верованиям калмыков посвящена работа Н. Ульянова⁵, основную задачу которой автор видел в освещении религиозных верований калмыков. В книге автор кратко рассматривает историю распространения и дальнейшего развития буддизма, быта и деятельности калмыцкого ламаистского духовенства. Работа Н. Ульянова посвящена калмыцкому духовенству, считая, что оно является лучшим представителем культурных сил народа, его языка, права, религии и т.д.

В конце XIX – начале XX вв. был опубликован ряд работ о состоянии просвещения в Калмыцкой степи⁶, в которых подробно и объективно рассматривалось состояние школьного дела в отдельных районах Калмыкии, без попытки проанализировать причины, тормозившие рост просвещения калмыцкого народа.

Большой вклад внес в изучение духовной и материальной культуры калмыцкого народа профессор Н.Н. Пальмов. Он подчеркивал, что «...культура калмыков представляет собой не начатое поле для исследования, или лишь только в слабой степени затронутое исследованием поле». В 20-е годы XX в. Н.Н. Пальмов опубликовал ряд своих исследовательских работ по истории духовной культуры калмыков.⁷

Замечательным источником для изучения калмыцкой культуры является и рукописное наследство Н.Н. Пальмова, хранящееся в Национальном архиве Республики Калмыкия. Во всех упомянутых трудах обобщен многолетний опыт ученого по исследованию культуры и искусства калмыцкого народа.

Героическому эпосу «Джангар» посвящены важные исследования крупных ученых России Б.Я. Владимирцова⁸ и С.А. Козина⁹.

Важное значение в раскрытии рассматриваемой проблемы имеет, несомненно, крупное исследование У.Э. Эрдниева «Калмыкии»¹⁰. В силу жанровых ограничений работа не претендует на фундаментальное исследование рассматриваемой проблемы. Автор ограничивается тем, что дает общее понятие о культуре калмыцкого народа. Но, несмотря на это, читатель найдет немало сведений о

⁵ Ульянов Н. Астраханские калмыки, их домашне – религиозный быт и общественно-религиозные нужды. СПб., 1910.

⁶ Позднеев А.М. Исторический очерк развития русских школ у калмыков СПб., 1905.; его же. Новые учебники калмыцких школ. СПб., 1912.; Амосов К. Состояние улусных школ. Астрахань, 1893 ; Сильницкий А.Д. Краткий очерк начального образования в Калмыцкой степи. СПб., 1907; Фарфоровский. Народное образование у калмыков Ставропольской губернии. Ставрополь, 1908 и др.

⁷ Пальмов Н.Н. Несколько вопросов по вопросу о культурно-художественных влияниях, каким мог подвергаться калмыцкий народ в продолжение своей исторической жизни. //К открытию Областного калмыцкого историко-этнографического музея. Астрахань, 1921; Пальмов Н.Н. О некоторых памятниках калмыцкой старины и искусства. //К открытию Областного калмыцкого историко-этнографического музея. Астрахань, 1921; Пальмов Н.Н. Калмыки. Этнографический очерк. Астрахань, 1928 и др.

⁸ Владимирцов Б.Я. Монголо-ойратский героический эпос. Пг.-М., 1923.

⁹ Козин С.А. Джагарида. М., 1949.

¹⁰ Эрдниев У.Э. Калмыки. Элиста, 1974.

развитии народного образования, формировании демократически настроенной калмыцкой интеллигенции; а также об устном народном творчестве, отразившем огромный жизненный опыт и мудрость народа, о музыкально-танцевальном искусстве, развитии культовой архитектуры, религиозных верованиях, народных знаниях и играх.

Большое познавательное значение имеет работа Н.Ш. Ташнинова¹¹, рассматривающая историю просвещения Калмыцкой АССР от его истоков до 60-х годов XX века. Автор проделал большую работу по сбору источников, их критическому осмыслению, широко использовал статистические данные архивов, работы многих историков и систематизировал имеющиеся сведения о состоянии просвещения калмыцкого народа в XVIII – XX вв.

Для изучения культуры калмыцкого народа немаловажное значение имеет работа Д.Ц.-Д. Номинханова¹², показывающая коренные изменения в культурной жизни калмыков в первой половине XX века. Автор подробно рассматривает все этапы культурного строительства в Калмыкии, подчеркивая историческое значение опыта в ликвидации экономической и культурной отсталости ранее угнетенных народов и приобщения их к новой жизни.

Заметный вклад в изучение духовной культуры калмыцкого народа во второй половине XIX века внесли работы многих калмыцких исследователей, рассматривающие отдельные части духовного творчества народа.¹³

Таким образом, наиболее ценный вклад в изучение калмыцкой культуры внесли многие ученые России. Калмыковедение обогатилось за последние десятилетия большим количеством книг и статей о духовном творчестве народа. Оно развивается по восходящей линии, все глубже познает прошлое, расширяет круг проблем, совершенствует свои методы.

Цель диссертационного исследования определена актуальностью темы, степенью её изученности. Исходя из этого, автор ставит своей целью дать анализ развития духовной культуры калмыцкого народа в хронологических рамках второй половины XVIII – XIX вв. Цель исследования определяет следующие задачи:

– изучить вопросы развития образования калмыцкого народа в конце XVIII – XIX вв., начиная от создания улусных школ, заканчивая введением в калмыцкую среду женского образования;

– исследовать проблемы изучения устного народного творчества в XVIII – XIX вв., в первую очередь, главное богатство калмыков – героический эпос «Джангар», а также калмыцкие народные сказки – древний жанр устного творчества калмыков и другие жанры калмыцкого фольклора – пословицы, поговорки, загадки, наряду с йорьялами и кемьялги (остроумием) как своеобразной формой устного народного творчества;

¹¹ Ташнинов Н.Ш. Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР, Элиста, 1969.

¹² Номинханов Д.Ц.-Д. Очерки истории культуры калмыцкого народа. Элиста, 1969.

¹³ Бадмаев А.В. Калмыцкая дореволюционная литература. Элиста, 1975; его же. А.В. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста 1969; Пюрвеев Д.Б. Архитектура Калмыкии. М., 1975; Трошин И.И. Изобразительное искусство Советской Калмыкии, Элиста, 1965; Бадмаева Т. Танцевальная культура калмыцкого народа. Элиста, 1989 и другие.

– показать в динамике развитие изобразительного искусства и танцевально – музыкальной культуры калмыцкого народа во второй половине XVIII – XIX вв.;

– выявить народные знания калмыков и их религиозные верования, причины возникновения у калмыков ламаизма как разновидности буддизма в рассматриваемый период, проанализировать миссионерскую деятельность православной церкви в Калмыкии в XIX веке.

Источниковую базу данной диссертации составили документы и материалы, отражающие процесс развития духовной культуры калмыцкого народа в хронологических рамках второй половины XIX вв. Это позволяет характеризовать источники по некоторым основным блокам.

Первый блок составляют опубликованные документы и материалы по истории развития духовной культуры калмыцкого народа в рассматриваемый период. Эти материалы позволяют представить как сложились и развивались основные формы духовной культуры калмыков, какими были её главные критерии.

Во второй блок вошли многочисленные издания сборников калмыцких сказок, былин, поэм, пословиц, поговорок, йорялов, (благодаряжеланий), кемьяльги и т.д. Особый интерес представляют неопубликованные записи героического народного эпоса «Джангар» (калмыцкие, монгольские, синьдзянские (КНР), сарт – калмыцкие (киргизские), сделанные в разные годы XIX века выдающимися русскими, зарубежными и калмыцкими исследователями.

Большое значение имеют записи песен сказителей (так называемые «джангарчи») – как калмыцкие, так и монгольские, синьдзянские, хотя по своей значимости они могли бы претендовать на отдельный блок.

Третий блок составляют опубликованные очерки и материалы международных, российских, республиканских (калмыцких) съездов, конференций и семинаров, отчеты и каталоги республиканского краеведческого музея и республиканского общества охраны памятников культуры Калмыкии.

В четвертый блок входит центральная республиканская и ведомственная периодическая печать: журнал «Теегин герл», «Вестник Калмыцкого обкома РКП(б)»; газеты «Хальмг Унн», «Известия Калмыкии», «Советская Калмыкия», «Калмыцкий университет» и другие издания.

Пятый блок составляют инвентарные книги поступлений экспонатов и архивы Национального музея Республики Калмыкии им. Н.Н.Пальмова и архивы Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН и Калмыцкого государственного университета.

Шестой блок составляют архивные материалы. В основу исследований положены документы и материалы шести фондов, пяти государственных архивов.

В диссертации использованы архивные фонды Национального архива Республики Калмыкия, материалы ф. 9 – Управления калмыцким народом, ф. 42 – ламайского духовного правления. В этих фондах содержится богатый фактический материал о духовной культуре калмыцкого народа в XVIII – XIX вв., сведения о состоянии народного образования, медицинского обслуживания населения, а также материалы о положении калмыцкого духовенства.

Автор использовал также материалы некоторых фондов Государственного архива РФ (ГАРФ).

Были также использованы некоторые фонды Астраханского государственного архива (ГААО) (документы и материалы Управления калмыцким народом в Астраханской губернии).

Хронологические рамки охватывают вторую половину XVIII – XIX вв. Рассматриваемый период разделяется на две части. Первая часть заключена во временные рамки XVIII века, когда были заложены раньше и развиты позже главные основы духовной культуры калмыцкого народа, и произошло формирование основных жанров устного народного творчества. Уход значительной части калмыцкого населения, в Китай помешало, безусловно, целостному развитию духовной культуры калмыцкого народа, но, находясь друг от друга на большом отдалении, народное творчество калмыков, преодолев препоны, осталось единым, объединенным духовно внутренней связью.

Вторая часть исследования охватывает, главным образом, период XIX века. В этот период происходит большой подъем духовной культуры калмыцкого народа. В области образования появляются не только школы различного уровня, но начинают действовать Астраханское и Санкт-Петербургское училище. Происходит также активное изучение калмыцкого героического эпоса «Джангар», его новых версий почти во всех частях калмыцких диаспор во всем мире. В течение XIX века идет интенсивное развитие живописи, декоративно-прикладного искусства калмыков, а также танцевально-музыкальной культуры калмыцкого народа.

Территориальные рамки диссертационного исследования определяются границами современной Калмыкии (Калмыцкая степь Астраханской губернии, Больше – Дербетовский улус Ставропольского края, Сальский округ Донской области, районы терских и кумских калмыков). Выбранный регион дает возможность проследить особенности духовной культуры калмыцкого народа в конце XVIII – XIX вв.

Научная новизна исследования заключается:

– впервые рассматривается в целостном виде процесс развития духовной культуры калмыков в во второй половине XVIII – XIX вв.;

– данная диссертация является первым комплексным научным исследованием вопросов духовной культуры калмыцкого народа;

– проанализированы на основе широкого круга источников распространенные жанры калмыцкого народного фольклора – пословицы, поговорки и загадки, а также своеобразные формы устного народного творчества, как калмыцкие йорялы (благопожелания) и кемяльгн (осмотруемые) и т.д.;

– подверглись тщательному анализу широко известные в калмыцком народе «72 небылицы», проведено историко – сравнительное сходство с реальными событиями в истории, поскольку коллективным автором в течение многих веков являлся сам народ;

– анализ антирелигиозной политики Советского государства позволил определить степень и масштаб разрушительных действий, направленных в отношении памятников калмыцкой архитектуры, главным образом, культовой, как Хошеутовский хурул – выдающийся памятник калмыцкого зодчества первой половины XIX века, а также предметов иконописи, утвари и культовых памятников и т.д.;

– сделан вывод о том, что Калмыкия, с точки зрения крупных ученых-исследователей, являет собой особо значимый, исторически ценный регион страны для изучения памятников духовной культуры калмыцкого народа.

– впервые в научный оборот введен новый пласт источников и материалов, не востребованных ранее в силу малоизученности данной темы исследования.

Методологической основой исследования были избраны принципы историзма и объективности при оценке фактов документальных свидетельств, привлечение широкого круга источников, отражающих различные точки зрения на данную проблему. В данном исследовании были применены специально-исторические принципы: сравнительно-исторический; проблемно-хронологический; историко-системный.

Практическая значимость исследования определяется его актуальностью и новизной. Результаты и научные выводы исследования расширяют историографию изучаемой темы, могут быть использованы в учебном процессе вузов, при подготовке научных трудов и публикаций, а также при решении вопросов сохранения историко-культурного наследия.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в научных публикациях. Они обсуждались на кафедре отечественной истории Калмыцкого государственного университета, на международных, российских и республиканских научно-практических конференциях. Материалы исследования нашли отражение в различных публикациях автора в целом ряде изданий.

Структура диссертации соответствует целям и задачам исследования и включает в себя введение, четыре главы, заключение, список источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность рассматриваемой проблемы, сформулированы цели и задачи диссертационной работы, определены хронологические рамки исследования и заложена новизна исследуемой темы, изучен комплекс основных положений выносимых на защиту, обоснована система методов исследования.

В главе «Развитие образования калмыцкого народа в конце XVIII – XIX вв.», состоящей из четырех параграфов, исследуются вопросы развития дела просвещения среди калмыцкого населения в конце XVIII – XIX вв..

В параграфе «Создание улусных школ и их деятельность в XIX в.» отмечается, что во второй половине XIX века встал вопрос о необходимости создания улусных школ, в которых воспитанники могли бы подготовиться к дальнейшему обучению в Астраханском училище.

В 1860-е годы в Калмыцкой степи было одно училище в Астрахани и семь улусных школ. Улусные школы содержались за счет общественного калмыцкого капитала, а иногда за счет владельцев улусов. Но не все владельцы улусов шли на это, некоторые заявляли, что «при всей готовности содействовать целям правительства не могут принять издержки по содержанию школы на свой счет»¹⁴.

¹⁴ НАРК, Ф. 9, оп. 4, д. 135, л. 9.

Во второй половине XIX века в калмыцких улусах учреждаются школы грамоты. Только в 1854 г. было учреждено 5 школ грамоты в отдельных калмыцких улусных центрах Астраханской губернии с количеством по 10-20 человек в каждой школе. Для калмыков Большедербетовского улуса Ставропольской губернии улусная школа на 10 учеников была открыта в 1866 году.

Улусные школы были созданы царским правительством из соображений политического и экономического порядка в интересах его политики на окраинах России. Объективно они сыграли положительную роль в просвещении и культурном росте народа, явились одним из средств создания новых предпосылок в овладении калмыками русским языком, а следовательно, одним из путей приобщения к достижениям русской культуры, одним из путей духовного возрождения калмыков.

Заметное изменение в положении улусных школ намечилось в 1882 году, начался новый этап в развитии калмыцкой улусной школы. С этого времени структура и система преподавания в улусных школах определялась «Инструкцией для содержания и обучения воспитанников улусных школ».

Однако улусные школы были не очень популярны у жителей степи. Причина этой непопулярности заключалась в том, что калмыцкие учителя были заменены русскими учительницами. Калмыки в силу укоренившегося взгляда на женщин не стремились посылать детей в школу.

В 1893 г. инспектор народных училищ Астраханской губернии К.М. Амосов в отчете о проверке улусных школ отмечал отсутствие в школах надлежащих программ, механические принципы обучения русскому языку и антипедагогические приемы в воспитании. Как и А.М. Позднеев, К.М. Амосов отмечал незнание русскими учительницами калмыцкого языка.

Улусные школы при своем создании преследовали чисто практическую цель – подготовку для поступления в Астраханское калмыцкое училище, из которого выходили переводчики, вместе с тем нельзя не видеть, что они сыграли значительную роль в просвещении и культурном росте калмыков. Они, как и Астраханское калмыцкое училище, создавали первые предпосылки для овладения калмыками русским языком, а посредством его для приобщения к русской культуре и культуре других народов России.

Улусные школы существовали у калмыков вплоть до октября 1917 года и явились определенным этапом в развитии школьного образования в Калмыцкой степи.

Практическая деятельность по распространению образования среди калмыков была созвучна задачам союза учителей «Хальмг тангчин туг» («Знамя калмыцкого народа»), возникшего в среде калмыцкого учительства в 1907 году в Сальском округе Области Войска Донского.

Улусные школы оставили в истории просвещения и образования в Калмыкии заметный след. Они сыграли свою роль в распространении грамотности среди калмыцкого населения. Успешно окончившие улусные школы подростки могли поступить в Астраханское калмыцкое училище, где позже было открыто гимназическое отделение наиболее способных выпускников училища.

В параграфе «Деятельность Астраханского и Санкт-Петербургского училищ в рассматриваемый период» отмечается, что администрации Калмыцкой

степи нужны были толмачи, переводчики и чиновники, которые, владея русским и калмыцким языками, могли бы в дальнейшем лучше познакомиться с жизнью калмыков и быть полезными правительству. С этой целью 14 сентября 1802 года в Астрахани было учреждено первое Калмыцкое училище. В нем обучалось всего шесть воспитанников, причем это были русские дети. Работавшие здесь учителя не имели соответствующей педагогической подготовки. К тому же они часто отвлекались от работы в училище и использовались в качестве переводчиков, которых постоянно не хватало из-за того, что окончившие курс не стремились служить по калмыцкому ведомству.

16 октября 1828 года в Санкт-Петербурге, при школе медицинского департамента этого Министерства был открыт особый класс калмыцкого языка. Десять воспитанников этого класса были русскими, взятыми из приказов общественного презрения, а остальные пять учеников были калмыками, специально присланными из Астрахани. По окончании училища те и другие должны были работать переводчиками не менее шести лет.

Таким образом, стало существовать два «калмыцких» училища: в Астрахани и Петербурге. Необходимость иметь переводчиков требовало открытия специального училища для калмыцких детей.

В 1864 г. при Астраханском училище было учреждено фельдшерское отделение. Гимназическое отделение готовило переводчиков, толмачей, фельдшерское – оспопрививателей.

Это училище сыграло большую роль в деле становления народного образования, в развитии различных типов школ и курсов, способствовало формированию кадров национальной интеллигенции.

Параграф «Женское образование в Калмыкии в XIX в.» подчеркивает, что в России оно существенно отставало от мужского, а в национальных регионах это было особенно заметно. Если в 1897 году в России в целом на каждую тысячу мужчин приходилось 318 грамотных, то на каждую тысячу женщин всего 131. В Калмыцкой степи дело обстояло гораздо хуже.

Во второй половине XIX в. стали предприниматься первые шаги к развитию женского образования в Калмыкии. В 1865 году калмыцкое управление составило проект положения о Калмыцком женском училище с целью подготовки учительниц-калмычек для улусных школ.

Первое Калмыцкое женское училище, рассчитанное на 20 воспитанниц, было открыто в Астрахани 1 февраля 1868 года. В связи с первым выпуском воспитанниц калмыцкого женского училища в 1872 году министерством государственных имуществ было издано распоряжение об открытии женских школ в улусах.

Через 10 лет после открытия первых женских школ в Калмыцкой степи правительством было решено объединить обучение мальчиков и девочек в улусных школах. Учительницы-калмычки стали преподавать только калмыцкий язык, потому что преподавание других предметов в объединенных улусных школах было поручено русским учительницам.

Наконец-то женское образование в Калмыкии начало развиваться, но, к сожалению, обучение девочек в улусных школах было прервано через двенадцать лет после открытия в 1872 году первых женских школ. 19 сентября 1884 года

правительством было издано распоряжение, согласно которому Астраханское женское училище было закрыто. Женщины- калмычки гражданскими правами, как известно, не пользовались, а также не имели право на образование.

На определенном этапе, до появления светских школ, хурульные школы были единственными очагами грамотности, но в дальнейшем с развитием светской школы они потеряли свое просветительское значение, отмечается в параграфе «Хурульные и миссионерские школы в Калмыкии, и их значение в просвещении калмыцкого народа».

Хурульное образование делилось на общее и специальное. Общее образование получали все мальчики, поступающие в хурулы учениками (манджи, банди). Они не давали монашеских обетов и в отдельных случаях с согласия родителей могли вернуться в семью. Обучение учеников поручалось гелонгам, каждому по два-три мальчика. В начальной хурульной школе ученики изучали азбуку монгольского, калмыцкого и тибетского языков, приучались к чтению и письму, заучивали наизусть молитвы и богослужебный устав, участвовали в хурульных богослужениях в качестве прислужников. Помимо этого ученики обучались ламаистской церкви, которым предстояло в будущем выступить в роли наставников.

Со второй половины XIX в. усиливается миссионерская деятельность русской православной церкви. На средства миссионерского общества и калмыцкого управления, в русских селениях и степных урочищах учреждаются четыре миссионерских стана с церковно-приходскими школами. В 1889 году был организован миссионерский стан в Большедербетовском улусе, вблизи него был основан Князе-Михайловский поселок для крещеных калмыков, где на средства калмыцкого общественного капитала построили церковь, школу, дома для миссионеров и учителей. Но мероприятия миссионерского общества не имели успеха: во-первых, в эти школы калмыцкие дети набирались в принудительном порядке, во-вторых, учение велось на русском языке, учителя не знали языка своих учеников.

Для подготовки миссионеров и учителей для миссионерских школ в 1872 году в Казани была основана так называемая инородческая учительская семинария, где было создано и калмыцкое отделение. Обучение в ней калмыков нередко не отвечало миссионерским целям, напротив, вело к общению учащихся с передовой русской молодежью Казани.

Во второй половине XIX в. в калмыцких улусах на общественные средства создаются начальные аймачные школы для калмыцких детей. В 70-х годах XIX в. только в одном Малодербетовском улусе было открыто 6 таких народных школ.

Калмыцкие народные школы разрешали задачи только первоначального обучения, а отдельные школы работали вообще без твердых учебных планов и программ. Судьбы этих школ вершились чиновниками улусов и аймаков, которые с разрешения главного попечителя Калмыцкого управления открывали или закрывали школы, назначали и увольняли учителей, осуществляли над школой и учителями полицейский контроль.

История просвещения в дореволюционной Калмыкии – эта история долголетней борьбы калмыцкого народа за право открытия школ и обучения детей грамоте. Условия работы школ в калмыцких улусах были исключительно тяже-

лыми. Материальная необеспеченность школ, нехватка учебников и учебных пособий на родном языке, низкая образовательная и педагогическая квалификация учителей, незначительный контингент учащихся в школах, отрыв обучения от жизненной практики составлял характерную особенность школьной жизни дореволюционной Калмыкии. Царское правительство, калмыцкие нойоны и зайсанги слабо способствовали распространению просвещения среди калмыцкого народа.

Глава вторая анализирует процесс развития устного народного творчества калмыков в конце XVIII – XIX вв., уходящий глубокими корнями в далекое прошлое калмыцкого народа.

Калмыцкому героическому эпосу «Джангар» и его выдающимся сказителям посвящается первый параграф главы.

Калмыцкий народ бережно хранит и любит мудрое искусство своих сказок, былин, песен и легенд. Но самым любимым произведением калмыков является героический эпос «Джангар».

Калмыцкие версии «Джангара», записанные и сохранные для науки трудами российских ученых еще в XIX, дают представление и о локально различающихся сказительских школах с их отстоявшимися в веках традициями обучения и исполнения эпоса. В обороте современного джангароведения находится более двух десятков песен эпоса национальной калмыцкой традиции. Их исследование приводит к выводу о том, что «Джангариада» состоит из ряда локальных версий (до пяти), каждая из которых составляет самостоятельный цикл поэм, являющихся достоянием определенной школы рапсодов.

«Джангар» – итог многовекового созидания народа, величайший памятник его духовной культуры, свидетельствующий о безграничной любви к родине, защите ее от иноземных захватчиков, в борьбе за государственную независимость, за справедливость и счастье. Столетия прошли с тех пор, как народ создал это дивное сказание. Академик Б.Я. Владимирцов, высоко оценивая поэму, справедливо назвал «Джангариаду» «удивительной выразительницей народного духа, стремления народа, его чаяния, действительно национальной поэмой»¹⁵. Эпопея о Джангаре и его богатырях известна не только в Калмыкии, знают ее и в Монголии, в Синьцзяне (Западный Китай) и в Западном Тибете.

Записывание и издание текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар» начинается довольно поздно. Первые публикации текстов двух песен о Джангаре были сделаны, как известно, немецким ученым Бергманном в начале XIX века.

Знарок и сказитель калмыцкого фольклора И.И. Попов, проведший большую часть своей жизни среди донских калмыков, произвел запись многочисленных сказок, загадок, в том числе и песен «Джангара». Заслугой другого монголоведа – профессора В.Л. Котвича было то, что он в 1908 году впервые заметил замечательного сказителя, джангарчи Ээлян Овла, имя которого затем стало широко известно в науке. Ученик В.Л. Котвича Номто Очиров, студент IV курса Петербургского университета, записал от Ээлян Овла цикл песен «Джангара». Спустя

¹⁵ Владимирцов Б.Я. Монголо-ойратский героический эпос.//Перевод. Вступительная статья и примечания Б.Я. Владимирцова. М.-Пг.,1923.С.20.

два года, в 1910 году, В.Л. Котвич записал еще одну песню эпоса. Благодаря талантливому джангарчи Ээлян Овла «Джангар» дошел до наших дней. Песни Ээлян Овла легли в основу классического народного героического репертуара.

Героический калмыцкий эпос «Джангар» хранит россыпи народной мудрости. Он рождался, формировался и развивался в течение веков, впитывая в себя типические черты опыта общественного развития народа, накопленного на протяжении длительного исторического времени. Многочисленные поколения народных исполнителей эпос-джангарчи шлифовали идеи и сюжеты сказаний, сохраняя для потомков наставления и мечты далеких предков.

Во втором параграфе рассматриваются калмыцкие народные сказки как – популярный жанр устного творчества калмыков. Одним из самых любимых народом жанров калмыцкого фольклора являются сказки. Их знали и рассказывали повсеместно люди всех возрастов. Калмыцкие сказки охватывают почти все стороны материальной и духовной жизни народа. Основным источником их формирования была повседневная жизнь калмыков, тесно связанная со скотоводческим кочевым бытом.

Сказки – едва ли не самый древний жанр почти у всех народов. Но интересны они еще и тем, что отражают процесс формирования искусства художественной прозаической речи. Калмыцкие сказки бесконечно оригинальны и красивы. По выражению русского исследователя Е. Сизякина, «калмыцкая сказка – это бесконечная шехерезада, которая ежедневно варьируется у одного и того же рассказчика»¹⁶.

Волшебные и бытовые сказки наиболее полно отражают жизнь народа, его традиции и нравы, в них приводится множество интересных этнографических сведений. Читая их, мы знакомимся с национальной культурой, национальным характером, обычаями, узнаем думы и чаяния народа на протяжении многих веков. Встречающиеся в сказках религиозные элементы не мешают нам выделить главное – стремление народа к правде, справедливости.

Калмыцкие сказки о богатырях развились на основе волшебных, сблизились с героическим эпосом и образовали самостоятельный сказочный жанр. Основное содержание этих сказок – богатырские деяния героев, их борьба с врагами, заканчивающаяся, как правило, победой богатырей, наделенных сверхъестественными силами, Невероятными для обычного человека качествами.

В калмыцком сказочном репертуаре необычайной оригинальностью выделяются «72 небылицы», существующие как в стихотворной, так и в прозаической форме со стихотворными вставками. Все произведение построено по принципу опережения события, рассказ ведется от первого лица, приписывающего себе необыкновенные приключения, которых не могло быть в действительности, так как самого рассказчика еще не было на белом свете. Эта сказка была очень любима калмыцким народом, не было сказителя, который бы ее не знал.

Важное место в калмыцком фольклоре занимают нравоучительные сказки о животных. В них действуют дикие и домашние животные и птицы. Под видом животных в сказках выведены калмыцкие богатеи – люди алчные, жестокие, не-

¹⁶ Бадмаев А.В. Калмыцкая дореволюционная литература. Элиста, 1975, С.7.

справедливые; в образе птиц – невинные люди, попадающие в сети обманщиков, угнетателей. Народные калмыцкие сказки имеют большое воспитательное значение, они отражают особенности мировоззрения своего народа.

В третьем параграфе подробно освещены распространенные жанры калмыцкого фольклора – пословицы, поговорки, загадки в XVIII–XIX вв.

Широко распространенным жанром калмыцкого фольклора во второй половине XIX в. были пословицы и поговорки. На протяжении многих веков они передавались из поколения в поколение, как наследие коллективного творчества. Их творец – трудовой народ, с большим мастерством выразивший в кратких изречениях свой взгляд на все события и явления окружающей жизни.

Пословицы и поговорки калмыки называют «старинные слова», «мудрое слово», так как в них обобщен громадный жизненный опыт, заключена мудрость народа.

Большое место в пословицах и поговорках калмыков занимает тема труда. Умельцы всегда пользовались у народа заслуженным авторитетом. Недаром народное понимание труда выражено в пословицах и поговорках, как мерило и критерий человеческих достоинств.

В многочисленных народных пословицах и поговорках отразились никогда не иссякавшие, интерес и тяга калмыков к знаниям: «Учение – источник ума», «Ничего нет драгоценней знания» и т.д.

Калмыцкие пословицы и поговорки очень разнообразны по своей тематике, имеют как прямой, так и переносный смысл. Своего высокого художественного совершенства они достигают яркими сравнениями, эпитетами, повторами, инсказанием и другими изобразительными средствами.

По своему строению и предельной лаконичностью к пословицам и поговоркам близки загадки, которыми очень богат калмыцкий фольклор¹⁷.

Загадки были одним из развлечений калмыков, особенно у молодежи, являясь своеобразным упражнением для ума и сообразительности. Загадки охватывают явления природы, окружающей действительности и тесно связаны с жизнью народа.

Традиционные калмыцкие пословицы, из глубины веков дошедшие до нашего времени, емки по содержанию. Они стройны по форме, так как отшлифованы веками, что в свою очередь способствовало их устойчивости и длительности сохранения.

В четвертом параграфе отмечается, что «кемялгн» (остроумие) и йорялы (благопожелания) – своеобразная форма устного творчества калмыцкого народа.

Особое место в калмыцком фольклоре занимает произведение, представляющее по своему содержанию состязание в остроумии, называемое по-калмыцки «Кемялгн». Его исполнение неразрывно связано с двадцать пятым (последним) позвонком бараньего хребта и считалось обязательным, если в кругу семьи или на празднике кому-нибудь попадает двадцать пятый позвонок.

¹⁷ Оконов Б.Б. Об идейно – теоретическом содержании калмыцких пословиц и поговорок // Филологические вестн. №3. Элиста. 1973.С. 40.

Родители с детства обучали детей искусству исполнения «кемялгн», поэтому он был повсеместно распространен среди калмыков и любой мог его исполнить. Исполнялся «кемялгн» в виде диалога двумя лицами. Один спрашивал значение, просил объяснить примечательное место позвонка, другой отвечал ему в аллегорической форме. В диалоге соблюдалась последовательность, ответ на вопрос должен был последовать немедленно, без заминки. Последовательность всегда была следующей: первый ответ не правильный, во втором признается неправильность первого ответа, только в третий раз дается правильный, разъясняющий ответ.

К наиболее древней форме поэтического творчества калмыцкого народа относятся калмыцкие йоряли (благопожелания). Йоряли сопровождали степняка на протяжении всей его жизни. Всякое сколь-нибудь знаменательное явление или событие в жизни калмыков сопровождалось йорялями.

Калмыцкие йоряли могут быть короткими или длинными в зависимости от того, кто и по какому поводу их произносит. Краткие йоряли – это традиционные формулы, их немного, а знают и произносят их все. В особо торжественных случаях применяются длинные благопожелания, заключающие в себе развернутую и законченную мысль. Йоряли не знают одного, раз и навсегда принятого текста. Каждый йорялчи сочинял благопожелания на ходу, придерживаясь только общепринятого направления. Произносятся йоряли всегда величественно, торжественно, так как калмыки придают им особое значение. Йоряли – это выражение чистых, душевных и искренних чувств человека, поэтому они бытуют и в наше время.

Глава третья посвящена вопросам развития живописи, танцевальной и музыкальной культуре калмыцкого народа в конце XVIII-XIX вв.

Дошедшие до нас произведения народного творчества, предметы быта, украшенные национальным орнаментом, отличаются высокими художественными достоинствами, которые сказываются и в общей гармонии произведения, и в высоком, сложившемся на протяжении столетий мастерстве, отмечается в параграфе «Развитие искусства живописи и декоративного искусства калмыков в рассматриваемый период».

Одно из первых мест в народном прикладном искусстве калмыков занимает вышивка. И.А. Житецкий отмечал, что редкая калмычка не умеет вышивать¹⁸. И одежда, и головные уборы, и предметы быта, к которым прикасалась рука женщины-калмычки, обладавшей удивительным эстетическим вкусом, становились не просто предметами быта, а произведениями искусства.

Калмыки издавна были знакомы с художественной обработкой металлов. Это умение они принесли с собой из Джунгарии, развивая его затем под влиянием русского и других соседних народов Поволжья и Северного Кавказа. Некоторые калмыцкие мастера умели золотить серебряные вещи и делали это без особых приспособлений.

Изделия калмыцких мастеров порой достигали редкого совершенства, для

¹⁸ Житецкий И.А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения). М., 1893.С.81.

них были характерны чистота отделки, необычайный блеск черни, красота и художественная выразительность.

Были знакомы калмыки с художественной обработкой дерева. Предметы резьбы по дереву до XIX века не обнаружены. До наших дней сохранились резные изделия второй половины XIX – начала XX веков.

В калмыцкой степи было немало мастеров, работавших при хурулах, в которых в половине XIX – начале XX веков имелось большое количество деревянных изделий. Резьбой и росписью в хурулах занимались преимущественно монахи низших званий, в большинстве случаев они копировали образцы, воспроизводящие сюжеты буддийской мифологии.

Живопись в калмыцком искусстве не выделилась в самостоятельную область вплоть до начала XX века, она продолжала оставаться органической частью архитектуры.

Разделение живописи на отдельные самостоятельные жанры, такие как декоративный, станковый или монументальный в искусстве калмыков отсутствует. Но это не значит, что с этими жанрами калмыки не были знакомы. Сборно-разборная архитектура, с которой были тесно связаны и остальные виды искусства, оказала свое влияние и на живопись. Наряду с иконами развивался и другой вид иллюзорной живописи – живопись, имитирующая объемный рельеф, по стилю напоминающий европейский гризайль. Этот вид живописи применялся в качестве орнаментально – декоративной живописи.

В России калмыцкий народ создал свою национальную архитектуру, основа которой была заложена в Центральной Азии. Эта архитектура органично впитала элементы восточной (буддийской) архитектуры и творчески переработала элементы окружающей её культуры. Стилевые особенности калмыцкой архитектуры наиболее полно воплотились в монументальной культовой архитектуре.

Главная особенность калмыцкой архитектуры в том, что в её основе лежит эволюция «гера» – народного кочевого жилища. Спецификой формирования плана культовых сооружений в Калмыкии является эволюция круга (плана «гера»). Особенно ярко это прослеживается в плане деревянных сюмов, калмыцких хурулов.

Во второй половине XIX века был построен ряд хурульных комплексов в Калмыцкой степи. Около 60-х гг. XIX века был построен храм Малохарахусовского хурула. Вокруг него со временем вырос архитектурный ансамбль. В 80-х гг. был поставлен дом “ламин ширя”. Здесь же стоял дом с “молитвенным барабаном” (с 1870 года) и “ступа суворгана”. Около 1853 – 1854 гг. в Эркетеневском улусе была завершена постройка храма Икибагутова хурула, такие же храмы были построены во многих улусах. В Малодербетовском улусе в самом начале 70-х гг. XIX века деревянные здания существовали в Шебенеровском аймаке и в Дунду-Хуруле.

Свободное от религиозных догм народное искусство Калмыкии во второй половине XIX века жило и развивалось, передавая, как эстафету от поколения к поколению любовь к родной земле, своему народу.

Второй параграф посвящен вопросам развития музыкальной культуры калмыцкого народа в конце XVIII-XIX вв.

Музыкальный фольклор калмыков включает бытовые, исторические, социальные, трудовые, лирические песни. Из поколения в поколение народ передавал свои песни, бережно храня песенное наследие, создавая все новые и новые песни. Песня сопровождала кочевника везде, в любом деле: в мирном труде и ратных подвигах. Песни непрерывно обогащались новым содержанием, откликались на самые злободневные проблемы. Все более или менее значительные события, происходящие в жизни народа, или же явления, поразившие народное воображение, получили отражение в песнях, которые создавались веками и были поистине коллективным творчеством народа.

Большое место в калмыцкой истории занимает своеобразная, так называемая протяжная песня “Уту-дун”. Уту дун – песни старинные, протяжные, торжественные. Содержание их разнообразно. Они характеризуются свободной мелодической и ритмической импровизационностью

«Ахр дун» – просты по строению песни куплетной формы. Такие песни легко запоминались и быстро получили широкое распространение в народе, популярны они и в настоящее время. К «ахр дун» примыкают песни-шутки, песни-танцы, близкие к частушкам, пение говорком с танцем. Эти песни обычно высмеивают теневые стороны быта, исполняются они под аккомпанемент домбры.

Большое место в песенном репертуаре калмыцкого народа занимает любовная лирика. Она опозитизирована образами родной природы, в ней широко используются аллегорические сравнения. В ряде любовных песен чувство человека не получает непосредственного выражения: объясняясь в любви, молодые люди выражают свои чувства в иносказательной форме.

Интересны калмыцкие трудовые песни, неразрывно связанные со скотоводческим хозяйством, рыбной ловлей. В них выражены мысли и чувства подневольного труженика. Немало песен сложил народ о тяжелой, бесправной доле калмыцкой женщины. Одна из них – общеизвестная, широко бытовавшая во второй половине XIX столетия – “Тёгрэш”.

Инструментальная музыка у калмыков существовала преимущественно как сопровождение песни – танца. Калмыцкая народная музыка конца XIX – начала XX веков сохранила ряд относительно древних инструментов. Калмыцкий музыкальный инструментарий этого периода можно разделить на три группы: струнные, духовые и ударные. Самым распространенным инструментом была домбра – щипковый деревянный инструмент грушевидной формы, корпус которого собирается из отдельных полосок, встречается также треугольная форма с цельным корпусом.

Другой старинный щипковый инструмент типа горизонтальной арфы или лютни – ятха, встречающийся в конце XIX века довольно редко. Ятха бытовала в народе, а затем в основном в богатых семьях. Она имела корпус более одного метра, изогнутый в одном месте под тупым углом. Звукоизвлечение на ятхе возможно двояким образом: зашпикиванием пальцами или отбиванием метал-

лическими когтями, надевавшимися на пальцы. Звук ятки очень мелодичен, сходен со звучанием украинской бандуры.

Разновидностью калмыцкой домбры является струнный смычковый – щипковый инструмент – товшур, состоящий из долбленого корпуса овальной формы и деревянной деки.

В XIX веке калмыцкая музыкальная культура обогащается музыкальной культурой русского народа. В 80-х годах XIX века у калмыков были русские музыкальные инструменты – скрипка (скрипк), гармония (гармонь), рояль (роель), аристон.

Вопросы развития танцевального искусства калмыков в XVIII-XIX вв. рассматриваются в третьем параграфе главы.

Калмыцкий народ за долгую историю своего существования создал интереснейшую и самобытную хореографическую культуру, которая включает в себя множество различных танцевальных форм и видов.

Танец- это эмоциональная летопись народа, самобытно, образно и ярко раскрывающая историю событий и чувств, пережитых им. Это древнейшее искусство, первичные элементы которого – шаг, бег, прыжок постепенно развивались, сочетались, усложнялись, образуя танцевальный язык.

Из жизни народа и окружающей его действительности возникали темы и образы танца, складывались свои танцевальные традиции, своя координация движений, пластическая выразительность, музыкально-танцевальные фигуры.

Несмотря на территориальное различие и специфичность отдельных танцев, калмыцкое народное танцевальное искусство нужно рассматривать как нечто целое.

Танцевальное искусство любого народа глубокими корнями уходит в историческое прошлое человеческого общества. Остаточным явлением культовых танцев представляется такая группа танцевального фольклора

Калмыцкие танцы подвергались в дальнейшем влиянию танцевального искусства русского, татарского и кавказских народов, например пляски с платком. Учащиеся Астраханского училища исполняли почти все русские танцы, некоторые молодые калмыки танцевали и лезгинку, и гопака, и яблочко.

Калмыцкий народ на протяжении веков, создал самобытное, оригинальное танцевальное искусство и нужно выявить наиболее существенное в калмыцком танце, что может послужить основой его дальнейшего развития.

Вопросами появления народных знаний калмыков и их религиозных верований завершается заключительная четвертая глава диссертации. Интересным проблемам распространения буддизма – ламаизма калмыков в конце XVIII в., посвящается первый параграф главы.

В XV-XVI вв. некоторые ойраты уже были знакомы с буддийским учением о страданиях перерождения. Во II-ой половине XIX в. господствующей религией у калмыков стал ламаизм.

Ламаизм – одна из разновидностей буддизма. Возникновение ламаизма связано с именем тибетского монаха Дзонхава, реформировавшего традиционный классический буддизм применительно к условиям феодализма.

Чем шире распространялся ламаизм в массах, тем глубже становились его

социальные корни, тем сильнее на первый план выступала вера в немедленное посмертное возмездие в форме учения о рае, и особенно об аде. Подобно христианству, расценивавшему страдания как средство спасения, ламаизм рассматривал страдания человека как положительный фактор спасения, страдания уничтожают высокомерие, помогают избежать пороков, толкают к добродетели.

В конце XVIII- XIX вв. калмыцкое ламство подчинялось царским властям, которые использовали служителей церкви в своих целях. В своих молитвах, проповедях калмыцкие ламы восхваляли перед верующими

«великого белого царя», объявляли его даже « живым богом ». Альянс религии и государства был крепким и основывался на обоюдном сознании и идентичности обеих сторон.

По мере ослабления связи церкви в Калмыкии с Тибетом, усиливалась роль царского правительства, которое принимало меры к тому, чтобы полностью прервать эти связи и использовать ламаистскую церковь в Калмыкии в своих целях.

Ламаизм глубоко проник в мировоззрение калмыков. Он охватил все стороны жизни скотоводов. Буддийско-ламаистская религия была абсолютно господствующей идеологией калмыков, поддерживал авторитет и власть нойонов, зайсангов, богатых скотоводов, а затем русских властей, царский строй.

Миссионерская деятельность православной церкви в Калмыкии в XIX в. нашла отражение во втором параграфе главы.

Наряду с ламаизмом еще в 70 гт. XVII в. в Калмыкию начало проникать православное христианство, как орудие укрепления колониального господства царизма в этой окраине Российской империи.

Начиная с XVII века, царское правительство выделяло значительные средства на пропаганду и распространение среди калмыков православной религии. Для крещеных калмыков устраивались особые поселения с целью отделить их от остальных калмыков и затруднить рецидив влияния ламаистского духовенства.

Другой формой вознаграждения отдельных семей калмыков, принявших христианство, было отведение им определенного количества лучшей земли под пашню, сенокосные и пастбищные угодья, освобождение их от государственных податей и повинностей на 10 лет.

В первой половине XIX века политика царизма несколько изменилась. Она заключалась теперь в том, чтобы на территории Калмыкии создавались поселки со смешанным населением из крещеных калмыков и русских поселенцев.

Насаждавшееся сверху православное христианство воспринималось многими калмыками лишь условно. Фактически они оставались ламаистами, молились бурханам (иконам) и приносили им жертвы. Крещеные калмыки чаще всего имели буддийские бурханы наряду с православными иконами. Иконы вывешивались, когда русский поп делал обход по домам верующих, и снимались после его ухода. Так поступали даже оренбургские калмыки, считавшиеся христианами с первой половины XVIII в.

Параграф третий «Народные знания калмыков, их связь с жизнью и бытом калмыцкого народа» завершает данное диссертационное исследование.

Во II-ой половине XIX в. у калмыков бытовали богатейшие народные зна-

ния, накопленные в ходе многовекового опыта калмыцкого народа. Эти знания были тесно связаны с кочевым бытом народа.

Время великих передвижений и странствований кочевых племен отражено в географических познаниях. В песнях «Джангара» то и дело встречаются слова « берег океана », «двенадцать синих морей», «река Ганг».

С кочевым бытом тесно связаны и богатые знания калмыцкого народа по ботанике. Калмыки знали свойства растений, например, использовали их для изготовления растительных красок. Произведения живописи, исполненные такими красками, долгое время сохраняли свою яркость и свежесть.

В калмыцком языке бытуют названия многих плодовых и овощных культур: альман – груша, чи – вишня, тарвус – арбуз, гу – дыня, мянгресн – лук, каваг – тыква, бодонцог – картофель, хавстн – капуста. Названия этих плодов и овощей свидетельствуют о том, что калмыки подверглись влиянию материальной культуры соседних народов, особенно русского, в связи с усиленной колонизацией Калмыцкой степи.

Наиболее обширные знания имели калмыки по зоологии, анатомии, ветеринарии животных. Это и понятно, всю жизнь степняка-калмыка была неразрывно связана с занятием скотоводством. Калмык мог разделять тушу животного с помощью одного ножа. В арсенале калмыцких «ветеринаров» были и хирургические методы, и прижигания. Славилась своим умением костоправы, имевшие большой практический опыт.

Калмыки умели диагностировать и лечить различные болезни: болезни сердца, почек, плевры, гастрит, сибирскую язву, чирей, фурункул, горячку, туберкулез легких. По рассказам стариков, калмыки знали более 600 названий болезней.

Таким образом, народные знания калмыков явились закономерным результатом многовековой истории народа, связанной с кочевым бытом, результатом благотворного влияния материальной и духовной культуры всех тех народов, племен, с которыми пришлось столкнуться калмыкам на протяжении своей длительной истории.

Калмыки имели довольно общие географические представления о земном шаре. Они думали, что наша планета состоит из четырех частей света (дервн тюве). Но что собой представляли эти четыре тюве, они не знали. По-видимому, такое представление о частях земли проникло из Индии через Тибет в связи с распространением ламаизма.

Калмыки знали о существовании морей (тенгис), океанов (дала), отдельных гор, о многих народах земли. Об этом свидетельствуют существующие в калмыцком языке названия морей, океанов, гор и народов, зафиксированные дореволюционными учеными. Это и понятно, так как калмыкам приходилось бывать во многих странах.

Существовавшие в Калмыцкой степи немногочисленные школы грамоты сыграли положительную роль в распространении среди калмыцкого населения элементарных научных знаний, способствовали воспитанию национальной калмыцкой интеллигенции.

Тесное общение калмыков с русским народом и соприкосновение с други-

ми народами нашей страны способствовали дальнейшему обогащению не только материальной, но и духовной культуры калмыцкого народа.

В заключении подводятся итог исследованиям, формируются выводы автора, в которых обобщены официальные документы и материалы по истории развития духовной культуры калмыцкого народа в конце XVIII- XIX вв.

В результате целенаправленной работы автор в своей диссертации приходит к выводу о том, что духовная культура калмыков, прошедшая сложный путь в своем развитии, отразила во всей полноте многообразную историю народа. Эта культура, будучи теснейшим образом связана с жизнью и бытом народа, являлась важнейшим средством его естественного воспитания, повышения его художественного вкуса.

В заключении автором предлагаются рекомендации, определяются дальнейшие пути исследования проблем развития духовной культуры калмыцкого народа на протяжении многовекового пути.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих публикациях:

Статья в журнале из перечня ВАК:

1. Мучаева И.И. Танцевальное искусство калмыков в конце XVIII- XIX вв. / Известия Алтайского государственного университета. №4/5. 2008. С. 150-154. (0,4 п.л.).

Статьи в других научных изданиях:

2. Мучаева И.И. Памятники буддийского культа в Калмыкии: проблемы сохранения и использования. // Вестник Калмыцкого республиканского краеведческого музея им. Н.Н.Пальмова. Выпуск 1. Элиста, 2003. С. 31-38. (0,3 п.л.).

3. Мучаева И.И. Из истории формирования музейного собрания. // Вестник Калмыцкого республиканского краеведческого музея им. профессора Н.Н.Пальмова. Выпуск 1. Элиста, 2003. С. 9-14. (0,4 п.л.).

4. Мучаева И.И. Буддийская община Калмыкии в XX веке. // Вестник Калмыцкого республиканского краеведческого музея им. Н.Н.Пальмова. Выпуск №2. Элиста, 2005. С. 87-104. (0,4 п.л.).

5. Мучаева И.И. Развитие образования и культуры Калмыкии в XIX в. // «Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе», Материалы Российской научно-практической конференции. Элиста, 2006. С. 150-152. (0,4 п.л.).

6. Мучаева И.И. 85 лет Калмыцкому республиканскому краеведческому музею им. Н.Н.Пальмова. Элиста, 2006. (0,3 п.л.).

7. Мучаева И.И. Возрождение культуры калмыцкого народа. // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и политических исследований. №3. Элиста, 2008. С. 41-58. (0,5 п.л.).

Подписано в печать 14.04.09. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 1,39. Тираж 100 экз. Заказ № 1289.

Издательство Калмыцкого университета
358000, Элиста, ул. Пушкина, 11